

8. Там же. С. 19.
9. Там же. С. 22–23.
10. Там же. С. 25.
11. Там же. С. 26.
12. Гротовский Е. От бедного театра к искусству-проводнику. М., 2003. С. 68.
13. Там же. С. 69.
14. Там же. С. 97.
15. Там же. С. 71.
16. Театр Гротовского. М., 1992. С. 22.
17. Там же. С. 29.
18. Там же. С. 28.
19. Там же. С. 45.
20. Там же. С. 69.
21. Там же. С. 38.
22. Священник Владимир Соколов. Младостарчество и православная традиция. М., 2005. С. 227–228.
23. БСЭ. М. 1977. Т. 26. С. 146.
24. Соч. Епископа Игнатия Брянчанинова. СПб., 1905. Т.3. С. 13–14.
25. Актер в современном театре. Л., 1989. С. 15.
26. Авдеев Д.А., Неверович В.К. Наука о душевном здоровье. М., 2005. С. 197.
27. Театр Гротовского. М., 1992. С. 101.
28. Ильин И.А. Основы христианской культуры. Белозерск, 1994. С. 9.

Михаил Калашников

**«ВИШНЕВЫЙ САД» РУССКОГО
ЛИБЕРАЛИЗМА:
О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОКАХ СВОБОДОМЫСЛИЯ
Б.Н. ЧИЧЕРИНА**

Интерес к личности
Б.Н. Чичерина

Борису Николаевичу Чичерину по праву принадлежит выдающееся место в истории русской общественной мысли второй половины XIX века. Его умственные интересы были столь многообразны, что, в определенном смысле, его можно назвать ученым-энциклопедистом: философ, историк, правовед, знаток естествознания и к тому же блестящий публицист.

Долгие годы в XX веке имя Б.Н. Чичерина было почти забыто. Еще девять лет назад его биограф Л.М. Искра с горечью отмечал: «К сожалению, если имя его племянника Г.В. Чичерина (советского дипломата 1920-х годов – М.К.) широко известно, то о Б.Н. Чичерине, по существу, знают лишь специалисты» [1].

Интерес к личности и взглядам Б.Н. Чичерина был всегда, но среди ограниченного круга исследователей, так как в силу приписываемой ему реакционности и консервативности он оставался *нелюбим* как дореволюционными либералами, так и советскими марксистски ориентированными исследователями.

Следует отметить и совершенно особое положение Б.Н. Чичерина в истории русской общественной мысли. Речь идет о его «непонимании» русским обществом, о его «изоляции», о его образе «одиноким фигурой». Один из выдающихся русских ученых-эмигрантов В.В. Зеньковский писал об этом так: «Он (Б.Н. Чичерин. – М.К.) умел глубоко и даже страстно чувствовать, но внутренняя уравновешенность постоянно как бы закрывала эти движения души. Поэтому его постоянно не понимали или понимали превратно». «Да, Чичерина у нас не поняли и не оценили, – продолжал В.В. Зеньковский, – и это связано вовсе не с его устаревшим гегельянством (ведь «устарелое» гегельянство прорвалось еще раз с чрезвычайной силой – в русском неомарксизме), а с каким-то глубоким психологическим расхождением между Чичериным и русским обществом» [2].

Представляется, что одним из истоков этого «психологического расхождения между Б.Н. Чичериным и русским обществом» была особая социально-психологическая атмосфера, свойственная дворянской усадебной культуре 30–40-х годов XIX века, в которой он вырос. Дух и тепло этой атмосферы сопровождали Б.Н. Чичерина на протяжении всего жизненного пути, а память о ней согревала его в последние годы жизни. Эта же атмосфера дореформенной русской дворянской усадьбы стала источником, если не политического либерализма Б.Н. Чичерина, о котором нет однозначного мнения в литературе, то, по крайней мере, его либеральности, понимаемой как определенное умонастроение.

Конечно же, не либерализм, понимаемый как мировоззрение, как система общественно-политических взглядов был квинтэссенцией социально-психологической атмосферы русской дореформенной усадебной

Место
Б.Н. Чичерина
в истории русской
общественной
мысли

Атмосфера
дворянской
усадебной
культуры

Свободность как
умонастроение

Род Чичериных

культуры. Квинтэссенцией ее была именно либеральность (свободность, если использовать выражение Н.М. Карамзина)*, понимаемая как умонастроение, которое, по определению Б.Д. Парыгина, представляет собой «...особый вид настроения, обладающий относительно устойчивым характером и представляющий собой определенную направленность как безотчетных чувств и переживаний, так и более или менее ясно выраженных мыслей, идей, убеждений» [5].

Б.Н. Чичерин родился 26 мая (7 июня) 1828 года в Тамбове, в семье, происходившей из старинного дворянского рода. Благодаря разысканиям игумена Ювеналия Воейкова сохранились некоторые сведения о происхождении этого рода. «...Чичерины – старинный русский дворянский род, происходящий от выехавшего из Италии в свите Софии Палеолог в 1472 году Афанасия Чичерни (Чичерини), сын которого Иван Афанасьевич, умерший в монашеском чине, стал именоваться Чичериным. Другая ветвь рода Чичериных происходит от Бориса Чичерина, умершего в 1594 году, потомки которого служили в XVII веке стольниками при государевом дворе» [6].

Детство и раннюю юность Б.Н. Чичерин провел в тамбовских имениях своего отца. Родовым местом для Б.Н. Чичерина, которое он унаследовал после смерти отца, стало купленное в 1837 году имение Караул Кирсановского уезда Тамбовской губернии.

Отец оказал большое влияние на формирование взглядов и жизненного стиля Б.Н. Чичерина [7]. «Мой отец, – писал впоследствии Б.Н. Чичерин, – человек ясного и твердого ума, высокого нравственного строя, с сильным характером, с глубоким знанием людей, с тонким литературным вкусом и врожденным чувством изящного...» [8].

Николай Васильевич Чичерин был незаурядным человеком. Будучи крупным помещиком, он отрицательно относился к крепостному праву и, как пишет Л.М. Искра, «симпатизировал борцам за свободу». По неопубликованным воспоминаниям Б.Н. Чичерина, кабинет его отца украшали портреты Д. Вашингтона, Б. Франклина, С. Боливара [9].

* 8 апреля 1818 года Н.М. Карамзин писал П.А. Вяземскому в Варшаву: «Libéralité принадлежит к неологизму нашего времени: я не мастер переводить таких слов. Знаю свободу: из нее можно сделать свободу, если угодно» [3]. Более подробно о «либерализме» в русском общественном сознании первой четверти XIX века см.: [4].

Б.Н. Чичерин, как и два его младших брата и сестра, получил очень хорошее домашнее воспитание. И в этом заслуга не только их отца, но и матери – Екатерины Борисовны Чичериной. В воспоминаниях Б.Н. Чичерин писал: «Все стремление моих родителей состояло в том, чтобы дать нам европейское образование, которое они считали лучшим украшением русского человека и самым надежным орудием для служения России». В частности одним из приглашенных в Караул учителей Б.Н. Чичерина был К.Н. Бестужев-Рюмин, впоследствии профессор русской истории в Петербургском университете, академик и основатель Высших женских (Бестужевских) курсов [10].

Духовная атмосфера русской помещичьей провинции – основание мироощущения

Счастливая семейная жизнь родителей навсегда стала образцом для сыновей. Однако еще большее влияние на юного Б.Н. Чичерина оказала духовная атмосфера русской помещичьей провинции 1830–1840-х годов. Соседями и друзьями Чичериных было семейство Баратынских, жившее в имении Мара, и хороший знакомый Н.М. Карамзина, приятель А.С. Пушкина и многих «арзамасцев» Н.И. Кривцов, живший в имении Любичи. Впоследствии, предаваясь психологической рефлексии и несколько идеализируя прошлое, Б.Н. Чичерин находил именно в нем основания собственного мироощущения.

В сентябре 1886 года находясь в родовом имении Караул, Б.Н. Чичерин так писал о времени своего детства и юности: «... самое крепостное право, при всей его несовместительности с человеческими чувствами и с требованиями просвещения, производило различное действие, смотря по той среде, на которую оно попадало. В одних оно развивало барскую лень и беспечность, в других необузданный, а иногда и зверский произвол, в третьих сознание своего достоинства, чувство долга и ответственности, наконец, соединенную с привычкой к власти просвещенную независимость. Эти последние черты отличали именно то общество, которое здесь (в воспоминаниях Б.Н. Чичерина. – М.К.) описано. Это то, что я, как свидетель, видел в своей молодости. Уважать власть и никогда не гнуть перед нею спину, дорожить независимостью и презирать почести, стремиться к просвещению, а не искать карьеры: таков священный завет, который мы, рожденные и воспитанные в среде русского провинциального дворянства, получили от своих отцов и за который мы благословляем их память» [11].

Характерно, что Б.Н. Чичерин отмечает: «...образ мыслей образованных помещиков того времени был либеральный, насколько это требуется от всякого просвещенного человека. Они ценили свободу, понимали

потребность реформ. <...> Тем не менее в них не было решительно ничего похожего на тот оппозиционный, воинствующий либерализм, с которым я впоследствии познакомился в Москве. Напротив, они уважали власть, в которой видели охрану порядка и залог своего благосостояния. Но, уважая ее издали, они не преклонялись перед нею, держали себя в стороне, с независимостью и достоинством» [12].

Вольный дух
провинции

В воспоминаниях Б.Н. Чичерина обращает на себя внимание феномен особой социально-психологической атмосферы 1830–1840-х годов, в которой жило русское поместное дворянство эпохи Золотого века русской культуры, остающегося до настоящего времени достойным образцом для подражания. «В тридцатых годах (XIX века – М.К.), – вспоминал Б.Н. Чичерин, – этот вольный дух, господствовавший в провинции, царил еще беспрепятственнее» [13].

Крепостное право и
свободомыслие

В конце 1980-х годов, когда началось переосмысление многих стереотипов советской исторической науки, Н.Я. Эйдельман в одной из своих историко-публицистических статей обратил внимание читающей публики на социально-психологический феномен русской усадебной культуры как источник либерального (свободностного) умонастроения, свойственного дворянской интеллигенции XIX века. «За несколько поколений (да, увы, за счет эксплуатации крепостных) выработался тип относительно свободного, сознательно идейного, активного интеллигента: именно эти люди выиграла 1812 год, украсили Петербург, сделали замечательные научные открытия, заложили основы великой литературы...» [14].

На схожее явление, хотя и из другой эпохи, практически одновременно с Н.Я. Эйдельманом обратил внимание и знаток античности А.Ф. Лосев. В статье «Античная философия и общественно-исторические формации» (1988) он писал: «Всякое рабовладение расценивается у нас очень низко, расценивается как антиморальная и даже античеловеческая общественно-экономическая структура. А когда у нас начинают излагать Гераклита, Демокрита, Платона и Аристотеля, то обычно не устают прославлять достижения античной философии. Но если под такой философией была такая бесчеловечная база, как рабовладение, то каким же образом из бесчеловечного источника могла возникнуть такая идеальная и прекрасная философия?» [15].

Счастье
помещичьего быта

В неопубликованной части воспоминаний Б.Н. Чичерин писал о времени своего детства и юности так:

«Достигши шестидесятилетнего возраста, много странствовав по белому свету, видевши вблизи самые разнообразные сферы, до самых высоких <...> могу сказать: лучше старого русского помещичьего быта, при широком довольстве, при счастливых семейных условиях, я не видел» [16].

Атмосфера
спокойной силы

Этой атмосферы спокойной силы, независимого достоинства и взаимного уважения всегда впоследствии не хватало Б.Н. Чичерину. «На старости лет, – писал он с ностальгией Л.Н. Толстому из Караула 8 августа 1890 года, – единственное удовольствие, которое я еще испытываю, состоит в чтении старых писем и записок. Становится грустно и завидно. Несмотря на безумный гнет сверху и на крепостное право, были нормальные люди и нормальные отношения. Все это потонуло в том хаосе понятий, в котором мы кружимся, как в омуте во время половодья, да еще при ледящем северном ветре!» [17].

Дореформенная
усадьба в чеховском
«Вишневом саде»

Б.Н. Чичерин умер 4 февраля 1904 года, а незадолго перед этим, 17 января, на сцене Московского Художественного театра состоялась премьера комедии А.П. Чехова «Вишневый сад». Сам «Вишневый сад» в чеховской пьесе – это большая русская дореформенная усадьба с огромным вишневым садом и большим старым домом. О том, каким ему представляется дом в «Вишневом саде», А.П. Чехов писал 14 октября 1903 года жене из Ялты: «Дом старый, барский: когда-то жили в нем очень богато, и это должно чувствоваться в обстановке. Богато и уютно». В письме К.С. Станиславскому 5 ноября 1903 года А.П. Чехов уточнял: «...дом в пьесе двухэтажный, большой. <...> Дом должен быть большой, солидный; деревянный (вроде аксаковского, <...>) или каменный, это все равно. Он очень стар и велик, дачники таких домов не нанимают; такие дома обыкновенно ломают и материал пускают на постройку дач. Мебель старинная, стильная, солидная; разорение и задолженность не коснулись обстановки» [18].

Потеря либерализма
усадебного рая

В период замысла «Вишневого сада» А.П. Чехов написал рассказ «Крыжовник» (1898), лейтмотив которого – утрата в ранней юности родового имения, мечта о нем, его поиск на протяжении всей жизни и приобретение нового на старости лет, как некогда потерянного и вновь обретенного рая. Но дореформенный усадебный рай с его атмосферой либеральности, как и библейский, остается в прошлом. Вновь обрести его нельзя – его можно только потерять. Что и происходит с «Вишневым садом».

Характерно, что в записных книжках для будущего рассказа «Крыжовник» А.П. Чехов сделал такую пометку: «Крыж.: от сытости начинается либеральная умеренность» [19]. Однако в самом рассказе эта мысль в характеристике новоиспеченного помещика выглядит уже несколько иначе: «Перемена жизни к лучшему, сытость, праздность развивают в русском человеке самомнение, самое наглое» [20]. Впрочем, и в записной книжке уже на следующей странице А.П. Чехов делает сущностное уточнение, скорее политического характера, раскрывающее смысл понятия на исходе XIX века: «Умеренный либерализм: нужна собаке свобода, но все-таки ее нужно на цепи держать» [21]. В рассказе это положение передают следующие сентенции *новообращенного* помещика: «Образование необходимо, но для народа оно преждевременно» и – «телесные наказания вообще вредны, но в некоторых случаях они полезны и незаменимы» [22]. «Либеральная умеренность» – это в далеком прошлом, в потерянном дореформенном раю. Либерализм рубежа XIX – XX веков, тем более умеренный, имеет совсем другой смысл.

Атмосфера
либерализма в
«Вишневом саде»

Главные *герои* «Вишневого сада», Л.А. Раневская и ее брат Л.А. Гаев, – это дети тех, кто вырос в либеральной атмосфере русской дореформенной усадьбы. В период замысла комедии главная героиня, будущая Л.А. Раневская, виделась А.П. Чехову так: «Для пьесы: либеральная старуха (чуть старше 40 лет. – М.К.), одевается, как молодая, курит, не может без общества, симпатична» [23]. Однако сами либеральные идеи в пьесе транслирует брат главной героини – помещик-шут, «аристократ», как его видел А.П. Чехов, Л.А. Гаев, сама фамилия которого, вероятно, образована от слова гаер – шут*. Какая комедия обходится без шута.

Отметим, что в роли Л.А. Гаева А.П. Чехов видел артиста Московского Художественного театра А.Л. Вишневого, своего друга детства и одноклассника по Таганрогской гимназии. 5 февраля 1903 года А.П. Чехов писал К.С. Станиславскому, что, узнав о «Вишневом саде», «Вишневецкий хохотать будет много – и, конечно, неизвестно от какой причины» [25]. Но в премьерном спектакле Л.А. Гаева играл сам К.С. Станиславский.

* В словаре В.И. Даля читаем: «Гаер <...> шут в народных игрищах, который смешит людей пошлыми приемами, рожамми, ломаньем; <...>. *Гаеров*, ему принадлежащий» [24].

В первом действии пьесы пятидесятилетний резонерствующий шут Л.А. Гаев, которому уже во втором действии раздраженный Е.А. Лопахин почти кричит: «Баба вы!», обращаясь к столетнему книжному шкафу, произносит пафосную насыщенную либеральной риторикой речь. «Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, – декламирует Л.А. Гаев, – которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости; твой молчаливый призыв к плодотворной работе не ослабевал в течение ста лет, поддерживая (сквозь слезы) (ремарка А.П. Чехова. – М.К.) в поколениях нашего рода бодрость, веру в лучшее будущее и воспитывая в нас идеалы добра и общественного самосознания» [26]. Изумленный Е.А. Лопахин в качестве реплики только и произносит: «Да...».

Мещанский
либерализм

Для непонятливых зрителей и читателей в конце первого действия Л.А. Гаев говорит своей племяннице Ане: «И сегодня я речь говорил перед шкапом... так глупо! И только когда кончил, понял, что глупо». Глупо и неуместно было не только то, как он это сделал, но и то, что он говорил. Сам Л.А. Гаев характеризует себя так: «Я человек восьмидесятих годов... Не хвалят это время, но все же могу сказать, за убеждения мне доставалось немало в жизни». В устах резонерствующего шута-аристократа, по замыслу А.П. Чехова, это должно было восприниматься, по меньшей мере, комично. В совокупности все это дает ощущение какой-то сентиментальной лживости либеральных идей. Заметим, что образ либерала начала XX века воспринимался самим А.П. Чеховым крайне сниженным. Свои наблюдения, вероятно, за каким-то конкретным человеком в записной книжке он отразил так: «Когда этот либерал, пообедав без сюртука, шел к себе в спальню и я увидел на его спине помочи, то было так понятно, что этот либерал – обыватель, безнадёжный мещанин» [27].

Носители идеалов
человека и
гражданина

Необходимо отметить, что в самой речи Л.А. Гаева перед столетним книжным шкафом А.П. Чехов пародировал либеральную риторiku эпохи Великих реформ, ощущавшуюся в начале XX века как пустое и не имеющее цены фразерство. Характерно, что известный юрист А. Ф. Кони, ученик Б.Н. Чичерина по Московскому университету, в письмах учителю в конце XIX – начала XX века использовал именно эту риторiku. «Тридцать четыре года назад, – писал он 15 ноября 1898 года Б.Н. Чичерину, – слушал я Вас в университете и в Ваших словах почерпал идеал правды и справедливости, от Вас в дальнейшей Вашей жизни и тру-

Безвозвратно
ушедшая эпоха
старых либералов

дах я научился, как надо служить этим идеям». 12 февраля 1901 года А.Ф. Кони вновь писал Б.Н. Чичерину: «Вы знаете – думаю даже, что Вы не можете не чувствовать той любви, которую я питаю к Вам, как живому насадителю во мне и носителю “даже до сего дни” лучших идеалов человека и гражданина» [28].

Однако в начале XX века единственным прибежищем «светлых идеалов добра и справедливости», «веры в лучшее будущее», «идеалов добра и общественного самосознания» становится столетний книжный шкаф, стоящий в «комнате, которая до сих пор называется детской» в когда-то «богатом и уютном» господском доме. Собственно в этом и состоит смысл чеховской иронии. Но именно в этом заключались и причины «глубокого психологического расхождения между Б.Н. Чичериным и русским обществом», не только конца XIX – начала XX века, но и всего XX века.

Непонятый современниками и одиноко умерший в родовом Карауле Б.Н. Чичерин напоминает одинокого и всеми забытого старика Фирса, оставшегося до конца верным *своему* «Вишневному саду» и лежащего умирать в конце последнего акта чеховской комедии рядом все с тем же столетним книжным шкафом (в четвертом действии пьесы «декорация первого акта»).

1. *Искра Л.М.* Жизнь и творческий путь Б.Н. Чичерина // Страницы истории и историографии отечества: Сб. науч. трудов. Воронеж, 1997. С. 53.

2. *Зеньковский В.В.* История русской философии: В 2 т. Л., 1991. Т. 2. Ч. 1. С. 154, 155.

3. Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. 1810–1826. (Из Остафьевского архива). СПб., 1897. С. 49.

4. *Калашников М.В.* Понятие «либерализм» в политическом дискурсе Н.М. Карамзина // Философия и образование: интеллектуальные традиции и новации: Сб. науч. статей. Саратов, 2002; *Калашников М.В.* Понятие «либерализм» в политическом дискурсе Александра I // Проблемы истории российской цивилизации: Сб. науч. трудов. Саратов, 2004. Вып. 1.

5. *Парыгин Б.Д.* Социальное настроение как объект исторической науки // История и психология / Под ред. Б.Ф. Поршнева и Л.И. Анциферовой. М., 1971. С. 100.

6. Русская философия: философия как специальность в России. М., 1992. Вып. 2. С. 36; *Искра Л.М.* Жизнь и творческий путь Б.Н. Чичерина // Страницы

истории и историографии отечества: Сб. науч. трудов. Воронеж, 1997. С. 53.

7. Зорькин В.Д. Чичерин. М., 1984. С. 9; Искра Л.М. Жизнь и творческий путь Б.Н. Чичерина // Страницы истории и историографии отечества: Сб. науч. трудов. Воронеж, 1997. С. 53.

8. Чичерин Б.Н. Из моих воспоминаний. По поводу дневника Н.И. Кривцова // Русский архив. 1890. Т. 1. №. 4. С. 507.

9. Искра Л.М. Жизнь и творческий путь Б.Н. Чичерина // Страницы истории и историографии отечества: Сб. науч. трудов. Воронеж, 1997. С. 53.

10. Подольская И.Н. Борис Николаевич Чичерин (1828–1904) // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826–1856). М., 1990. С. 153.

11. Чичерин Б.Н. Из моих воспоминаний. По поводу дневника Н.И. Кривцова // Русский архив. 1890. Т. 1. №. 4. С. 521.

12. Там же. С. 515.

13. Там же. С. 516.

14. Эйдельман Н.Я. Почему я не пессимист: заметки об интеллигентности // Московские новости. 1987. № 47. С. 16.

15. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 445.

16. Цит. по: Искра Л.М. Жизнь и творческий путь Б.Н. Чичерина // Страницы истории и историографии отечества: Сб. науч. трудов. Воронеж, 1997. С. 54–55.

17. Письма Б.Н. Чичерина // Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник / Труды публичной библиотеки имени В.И. Ленина. М.; Л., 1928. С. 303.

18. Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12 т. М., 1957. Т. 12. С. 556, 565–566.

19. Там же. Т. 10. С. 512.

20. Там же. Т. 8. С. 305.

21. Там же. Т. 10. С. 512.

22. Там же. Т. 8. С. 305.

23. Там же. Т. 10. С. 476.

24. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1995. Т. 1: А – З. С. 340.

25. Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12 т. М., 1957. Т. 12. С. 521.

26. Там же. Т. 9. С. 417.

27. Там же. Т. 10. С. 504.

28. Кони А.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 144, 172.

